

Владимир Липатов

ЧЕТВЕРТЫЙ ШТУРМАН

Вот и встретились... Я смотрел на приближающуюся панораму Таллина: изящные оранжевые крыши Старого города, купола собора Александра Невского, остроконечные шпили церквей. Олевисте, Нигулисте... Слева, на фоне осеннего золота парка Кадриорг, устремилась в небо изящная фигурка девушки-ангела с крестом в руках – памятник погибшим морякам броненосца «Русалка». Как все знакомо и свежо в памяти.

«Елец» уже разворачивался по дуге, целясь на входные ворота порта. Вползли в акваторию, с помощью буксиров раскантовались носом на выход и левым бортом прилегли к угольному причалу. Да... вот и встретились. Еще года не прошло, как я окончил Таллинское мореходное училище ММФ, получил диплом штурмана малого плавания, зелененький военный билет младшего лейтенанта запаса и распределился на работу в Литовское морское пароходство. Вечность!

– Борис Алексеевич, я сегодня свободен. Можно в город?

Красные дьявольские угольки в глазах моего капитана никогда не гаснут. Он стеганул меня коротким взглядом и хищно улыбнулся. Как током ударил.

– Свободен будешь в отпуске.

– Так можно?

– Можно. Вали.

Милый-милый Борис Алексеевич, матом обругает, как похвалит.

Гуляем! Отход только завтра, но мне и дня хватит. Пройдусь по знакомым древним улочкам, быть может, загляну в alma mater, посижу на горке Харью на той самой скамеечке под сиреневым кустом, где когда-то, тупо глядя в конспекты, делал вид, что готовлюсь к госэкзаменам.

Стук в дверь.

– Ты в город? Пошли вместе. – Серега даже в беде выглядит радостным. – Я сейчас мигом оденусь и готов!

– Сережа, умоляю! В следующий раз, мне хочется одному побыть.

– Какие проблемы? Будь, а я молча рядом.

– Ты же не любишь достопримечательности.

– Кто тебе сказал? Люблю!

– Сережа, ты ходил со мной старую Ригу смотреть. И что потом было? Конечно не помнишь, а я тебя до самого парохода на закорках нес. – Надо проявить твердость. – Нет и еще раз нет. Будь здоров!

Улыбчивый Серега в сердцах хлопнул дверью, а я накинул легкую куртку и взялся за ботинки. Без стука в дверь просунулась хитрая рожа хозяйственного помощника.

– Володя, можно? – Он сладенько заулыбался. – Ты в город?

Скользкий такой. Я насторожился.

– Ну, положим. А тебе-то что?

– Слушай, проблема...

– Это твоя проблема.

Хозпом втиснулся в каюту, стал спиной к двери и сделал круглые глаза.

– Выручай! Вечером Борис Алексеич будет запасы водки проверять. В остатках должно быть восемь по ноль пять, а по факту полный ноль. Ну, понимаешь, в Таллинн плыли-плыли, плыли-плыли... долго... и как-то всю использовали. На троих.

Я в курсе. Спиртное хранится в его продовольственной кладовой, а ключ от ящика находится у капитана. Но для стоящего передо мной человека преград не существует. С приходом «жажды» он просто снимает петли с другой, противоположной от замка стороны крышки и свободно пользуется благами. Главное – вовремя вернуть.

– Слушай, чего ты темнишь, какое отношение я имею к капитанской водке и твоей проблеме?

– Володя, не губи! Купи в городе. Восемь бутылок к вечеру – кровь с носу. Боряня меня с дерьмом сожрет. Ты же его знаешь!

Давит, собака, на мою доброту. Я показал ему «фак».

– Вот с кем сидел, с тем и решай свои вопросы. Восемь бутылок я ему должен тащить! Сам иди, времени у тебя достаточно.

Хозпом закаменел лицом и вышел.

Я еще раз посмотрелся в зеркало, подмигнул сам себе и принялся обуваться.

Роберт влетел в каюту без стука.

– Вова, ты в город? Купи пару бутылок водки!

– Вы что, охренели сегодня?!

– Вова! Горю, как швед под Полтавой. Капитанскую водку на переходе выкушали, и час расплаты близок – казнь назначена на сегодня. Христом-богом прошу – принеси! – Он вытащил из кармана горсть мятых пятерок.

Начальник радиостанции Роберт – человек-легенда. Он всю войну отвоевал в диверсионных группах, был много раз ранен, и я твердо знаю: он не виноват, что выпил капитанскую водку, это они, его мнимые друзья, сбивают с пути. И Борис Алексеевич его любит.

– Роб, на стоянках радиовахта закрыта, и ты – самый свободный человек в команде. Сам сходи. Меня повяжут на проходной, а вы не при делах.

– Вова! Вчера ногу подвихнул, видишь, хромаю! – Он кругами заскакал по каюте и застонал.

Я помедлил.

– Ладно, две принесу. Можно в штаны спрятать.

– Вова, дорогой! Да здесь проходная – черная дыра. Я как-то целый ящик на хребте притащил. Никто не смотрит. Да, еще, неси сразу четыре. Ну, грешен, распни меня! – Он театрально опустил голову. – Понимаешь, посидели... Качка-то какая была в Северном море! Помнишь?

– Качка была не очень, но помню, тебя валяло здорово.

– Договорились! Я сейчас портфель принесу.

Начальник радиостанции выскочил из каюты.

Снова стук. Они что там, в очереди стоят?

Вошел старпом, выпускник ЛВИМУ - само воплощение интеллигентности. Говорят, у них в Макаровке даже бальным танцам обучают.

– Владимир Павлович, в город собрались?

– Да, Юрий Михалыч, хочу прогуляться по близким мне местам. Мое море начиналось с Таллинна.

– Полезное дело. Уважаю, кхм... Прекрасный город, знаете ли... Тоже вот хотел пройтись, но служба не позволяет. Ох, молодежь-молодежь, все у вас впереди, кхм...

Старпом явно что-то недоговаривал.

– Вы что-то хотели?

– Владимир Павлович, у меня к вам деликатная просьба. Даже не знаю, как сказать...

– Презервативы, что ли, купить? Да ни в жизнь!

Чиф поперхнулся, закашлялся.

– Ну, полноте, Владимир Павлович! – взмолился он. – Я в свои сорок пребываю уже в том возрасте...

Конченный человек. Чего он мучается?..

– Ы-ы-ы... Мне бы хотелось заказать четыре бутылочки водки. Деньги я дам.

Звезды сошлись – восемь капитанских бутылок были употреблены тремя теперь известными мне лицами, а сейчас у них шухер. И как тут старпому откажешь?

Спустя пять минут я уже спускался по трапу с броским оранжевым портфелем в руках – другого не нашлось.

Ни один экскурсовод не расскажет вам о душе Старого Таллина. Ее надо почувствовать, и, если это случится, вы влюбитесь в этот город. Влюбитесь навсегда.

Я бродил по знакомым улочкам и паркам, останавливался там, где любил бывать раньше, вспоминал эпизоды жизни, связанные с этими местами. Казалось, ничего не изменилось в этом уютном мире, изменился я.

До семнадцати лет обо мне заботилась мама, затем передала недоросля в не совсем нежные, но заботливые руки преподавателей и офицеров училища. И вот после окончания мореходки, мыча и спотыкаясь, высыпало в мир непуганое стадо, разбрелось по просторам от Дальнего Востока до Балтики. И теперь уже никто не пожурит тебя по-отечески строго. Не подскажет. Сам за себя в ответе.

У пивного бара «Харью Кельдер» я привычно остановился и взглянул на уходящие в сумрак подвала знакомые ступеньки. Надо отметить.

За длинным столом в клубах табачного дыма угадывались синие гюйсы и пять стриженных затылков – это восьмая рота, курсом младше, готовилась к госэкзаменам.

– Не ждали?! – Я оперся руками на край стола и резко навис над ними.

– Ха! Шестая рота! Володька!

Никак не ждали. Они, несмотря на экзамены, отмечали стипендию, а это – святое. Через полчаса я на ощупь отделил в кармане две от трех личных пятерок и небрежно бросил на стол.

– Гуляйте, мне пора! Скоро встретимся.

Осталась последняя и неприятная обязанность. В «Ливико» на Вана-Пости я загрузился водкой и двинулся в сторону порта. У проходной угольного терминала отдышался, принял приличный вид и вошел в двери. Душе было покойно, лицо женщины в окошке светилось добротой. Встречно улыбаясь, я сунул под стойку тяжелый портфель, оставив в руках только тощий полиэтиленовый пакет с мелкими покупками.

– Здравствуйте! Денек-то какой чудесный, а вы на работе.

– Здравствуйте. – Тетя из амбразуры окинула меня оценивающим взглядом. – Что несете?

– Странный вопрос. Что несу языком или руками? Ха-ха... – Юмор у меня такой.

– Что в сумке несете?

Насчет доброты мне показалось.

– В какой сумке? А-а-а, это... – Задвигая ногой портфель под стойку, я раскрыл пакет. – Зубной эликсир «Мятный» – один, мыло «Яичное» – четыре куска, крем «Детский» – один, лосьон «Пеалинн» – два... Знаете, у вас в Таллинне прекрасные парфюмерные товары! Лучше французских. Как заходим в столицу Эстонии, я сразу бегу за парфюмом. Фаб...

– Подождите! – Не вставая со стула, женщина указала пальцем за стойку вниз. – Там у вас еще рыжий саквояж.

В моей груди сделалось сердцебиение.

– А-а-а, это? Мама... – У меня повлажнели глаза. – Мама подарок на день рождения прислала... – Поднатужившись, я поставил портфель перед ее носом.

– Извините, но замок не открывается.

– Посмотрим.

Застежка легко щелкнула, и изумленному взору охраны явился «подарок мамы».

– Это от мамы?!

– От нее... лечиться... почечная недостаточность... судороги... – Меня парализовало.

Тетя сунула мой пропуск в карман гимнастерки и, предвзяв нападение, накрыла портфель грудью.

– Кы... мы... это... Тетенька, я больше не буду... – жалким голосом пошутил я.

– А и не будешь! – В ее голосе звучало назидание. – Уже больше никогда не будешь! – Хельви, – обратилась она к напарнице, стаскивая со стойки тяжелый портфель, – подежурь за меня, я контрабандиста в таможенную отконвоирую.

– Давайте подсоблю! – Я перехватил у нее вещдок и ткнулся в закрытый турникет.

– Куда?! Выходи на улицу – там таможня!

Мы вышли. Конвоир отрывисто скомандовала:

– Налее-во!

Я повернул строго налево и побрел, шаркая ногами по асфальту. Она держала дистанцию в пять шагов и, наверное, уже прикидывала будущие дивиденды: тридцать пять рубликов премии, Доска почета, президиум...

Мне спешить было уже некуда. Пустынная улица упиралась в свободный причал, где немногочисленная публика грузилась на прогулочный катер. Впереди маячил сутулой спиной лысый мужик в бежевом пальто. В своем неровном движении он делал шаг и, проседая на «корму», как-то странно подпрыгивал, затем с таким же кульбитом делал следующий шаг.

Мысль моя еще не сформировалась, а я уже напрягся и ускорился. Поравнявшись, скопил на него глаза и спросил негромко, как старого знакомого:

– Чего опаздываешь? Они уже отходят.

К моему удивлению, он ответил осипшим голосом:

– Еще полчаса. Без механика не отойдут. – И пожаловался: – В спину что-то торкнуло, мочи нет, ноги едва передвигаю. Да еще голова со вчерашнего...

Времени на беседы не было – в десяти метрах от нас на входе в здание уже отчетливо просматривалась вывеска «Таможня». Я замедлил шаг и перешел на громкий шепот:

– Короче, мужик! Ты сейчас хватаешь этот портфель и бежишь прочь. Быстро. В нем лежит приз – восемь бутылок водки.

– Это мне?! – Новый знакомый оказался сообразительным малым.

– Не совсем. Вечером я найду тебя на твоем прогулочном катере – рассчитаемся.

Он заколебался – люди в нашей стране просто так водкой не разбрасываются. В его голове происходил мучительный переход из состояния больного пьющего человека в состояние соучастника какого-то неведомого преступления.

– А куда бежать?..

– Беги к толстой Маргарите, а там затеряешься в Старом городе. Хватай быстрее!

Меня затрясло, до дверей таможни осталось пять метров.

– А как же мой прогулочный катер?! – Механик полуобернулся и, увидев за моей спиной конвоира, в растерянности остановился.

– Да хватай же! – Я силком втиснул в его руку портфель и толкнул в плечо.

Мужик вдруг ожил – сработал уже инстинкт преступника. Он шарахнулся от оторопевшей охранницы и зигзагами пустился в сторону башни Толстая Маргарита.

«Лети, лесной олень, в свою страну оленью...»

Я запричитал:

– Караул! Держи вора! Милиция, огонь! – У тети на бедре висела кобура.

Мы уже были у дверей таможни.

В кабинете начальника смены солидный таможенник внимательно слушал сбивчивый рассказ взволнованной женщины, а я, оперев руки в бока, фертном стоял поодаль и ждал своей очереди. История еще не закончилась, а во мне заговорила совесть. Собственная наглость, с какой я провернул дельце, отобрала силы, а предстояло еще лгать.

– На проходной я задержала его с восемью бутылками водки, повела к вам, вот его пропуск... – У нее дрожали голос и руки.

– Помилуйте, майор! – У дядьки в петлицах было по большой звездочке. – Это не иначе как умопомрачение на рабочем месте. Я на проходную пришел вот с этим пакетом: лосьон – две бутылочки, мыло яичное – четыре куска... Все товары разрешены к вывозу из СССР, а она...

Тетя не унималась.

– На улице к нему подошел человек... Они знакомы, у них был сговор... Он схватил портфель и побежал...

– Кто схватил?! Какой человек?! – Я сделал круглые глаза. – Какой сговор? Я из Клайпеды, а в Таллинне в первый раз.

Майор в этом гвалте вообще ничего не понимал.

– Успокойтесь, оставьте его пропуск мне и идите на службу. Я разберусь.

Тетя, метнув в меня тысячи отравленных стрел, вышла из кабинета.

– Хха! Вот молодец! Ну, рассказывай, как это у тебя получилось. – Таможенник ухмыльнулся, устроился поудобнее и приготовился слушать. – Я никому не скажу.

Он не скажет! Это меняет дело.

– Как получилось? Женщина просто устала, но я не в обиде – посиди всю жизнь на проходной, еще не так заглохнет. Ну, я пошел?

– Он не в обиде! Ну молодежь... – Таможня помрачнела. – Пиши объяснительную.

В объяснении я перечислил содержимое пластикового пакета, выразил сожаление таможене, посочувствовал охране, а в конце приписал: «Претензий не имею».

На проходной мне не хотелось смотреть людям в глаза. Документы проверяла уже другая женщина, а тетя с мокрыми глазами сидела за столом.

Когда я подошел к пароходу, день клонился к вечеру. По трапу, с утра хромой, вприпрыжку сбежал на причал празднично одетый радист.

– А вот и Володя! Где водка?

За ним спускались старший помощник и хозпом.

Внутри у меня все закипело.

– Вы куда собрались?!

– Да вот в ресторан решили прогуляться. – Старпом вежливо обогнул меня. – А что у нас с водкой, Володя?

Я уже хотел его послать, но шедший последним хозяйственный помощник всплеснул руками.

– А где мой оранжевый портфель?!

– В таможене твой оранжевый портфель, в КГБ!

– Дануна!

– На обратном пути задержали на проходной. – Я выдержал многозначительную паузу.

– В общем, признался под давлением. Разговор был долгим, с рукоприкладством. А как только всех вас заложил, сразу шнурки, брючный ремень, часы вернули и перевели из обвиняемых в свидетели и... потерпевшие.

Их лица вытянулись, а хозпом даже присел с испугу:

– Портфель не мой, и водка не моя!

– Молодец! Я тебя главным указал. Там разберутся, у них свои методы.

– Володя, ты что?! Неужели на это способен?! – возопили они хором.

– Когда руки крутят, еще как способен! Майор КГБ велел передать, чтоб через полчаса были готовы. Пусть, говорит, возьмут сухарей на два дня, смену нательного белья, мыло и по банке вазелина для профилактических работ. – Я оглянулся. – Вон вроде воронок от проходной едет...

Банда резко развернулась в сторону ворот порта – оттуда катил колесный «Беларусь».

– А зубную щетку? – потерянно спросил радист, сверкнув фиксой желтого металла.

– Не беспокойся, они на допросах сами чистят зубы несговорчивым клиентам.

– Я, пожалуй, пойду... – Ослабевший старпом потянулся вверх по трапу, но я еще не был удовлетворен своей мстостью.

– Собираться, Юрий Михалыч? Вы вроде бы следующий рейс капитаном должны были идти? – Я двинулся следом. – Пойду Борис Алексеичу сообщу.

Собутыльники поджали меня со всех сторон и начали уговаривать.

– Да дайте же на пароход пройти! Чего вам теперь бояться? На стройках народного хозяйства всяко руки нужны. На БАМ вон, шпалы таскать!

В их глазах была полная растерянность. Я сдался.

– Ладно! Ресторан отменяется. Даю исходные данные...

Мне удалось передать им всю трагичность ситуации, в которую я попал по их милости или хитрости. Они меня обнимали, извинялись. Они мной гордились.

Как стемнело, пришлось выйти за проходную. Там на прогулочном катере, двумя руками обняв оранжевый портфель, спал в полном одиночестве давешний спаситель. В наличии оказалось семь бутылок водки – я ожидал худшего. Он оказался честен, как все простые советские люди.

Далее события развивались уже по его плану: катерок отошел от свободного причала и через двести метров ошвартовался к правому борту «Ельца». Мы тепло и навсегда попрощались с эстонским другом, я насильно сунул ему в руки червонец и проследил взглядом весь короткий обратный путь.